

— Хён, ты действительно в порядке?

— Да.

— У тебя был гастрит от переутомления. Врачи сказали, чтобы ты не нагружал себя слишком сильно, но...

— Я в порядке.

Глаза членов группы сузились. Они сделали вид, что не слышат, и взялись за телефоны. Машина уже направлялась к съемочной площадке клипа. И я тоже решил проверить сообщения.

[Со Ходжин: Ты что, хочешь довести себя до смерти, хён?]

[Со Ходжин: И нет ответа, нет ответа, нет ответа.]

[Со Ходжин: Не жалуйся мне потом...]

[Со Ходжин: Вздох... Нет ответа... Но если тебе действительно больно, просто скажи мне.]

С сообщениями Со Ходжина покончено.

[Лим Хёнсу: С ума сойти... Что это за утечка?]

[Лим Хёнсу: Как ваша компания управляет делами?]

[Лим Хёнсу: Люди говорят, что ты выбрал хорошую песню среди всех... ха-ха... Что ж, я признаю это, ха-ха.]

Она отправила это только для того, чтобы похвастаться. Я в ответ отправил Лим Хёнсу искреннее сообщение.

[Я: Ага.]

И тут парни снова напомнили о себе:

— Ты упал от шока из-за утечки?

— Нет, это было переутомление, — ответил я.

— Ну... достаточно просто упасть от переутомления. Хоюн был самым трудолюбивым, верно?

Все энергично покивали.

— Он не выглядит так, но он действительно уникален.

— Что значит «не выглядит»? — спросил я.

— Похоже, что ты вырос без особых трудностей.

— Я? — Вырвался глухой смех. — Эй, в мое время...

— Ах, вот оно что... да-да-да... — прервали меня, не дослушав.

Эй! У меня действительно были трудные времена. Если бы я написал о трудностях, через которые мне пришлось пройти, и это было бы опубликовано как автобиография, то эта работа превзошла бы бестселлеры и по ней даже было бы снято кино, заставившее бы людей плакать и создавать реки из слез!

«Дзинь!»

[Это безнадежно!]

Если включить в работу информацию о системе, то это будет классифицироваться как фантастика, а не автобиография, но, во всяком случае, так оно было, понятно?

— Радует, что ты пришел в себя.

— Все были на грани срыва, но когда увидели твой крах, то взяли себя в руки.

Когда эти парни стали чувствовать себя так близко ко мне?

Я проигнорировал их и продолжил воспроизводить нашу песню. Мы по-прежнему старались попасть в ритм, с которого немного сбивались. Времени у нас уже не оставалось из-за моего похода в травмпункт.

— А, приехали.

Мы быстро добрались до места съемок клипа.

Сон Дживон, казалось, нервничал, с опаской потирая грудь. Ким Сонхён похлопал его по плечу и дал сигнал выйти из машины.

Мы вышли и начали кланяться на 90 градусов, как только увидели сотрудников.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, пожалуйста, позаботьтесь о нас!

— А, это вы в прошлый раз поймали того вора, да? — спросили у нас.

— Да, точно!

— Это было так круто. Я видел статью в новостях. Удачи вам сегодня! — произнес кто-то из сотрудников.

Глаза встречавших нас людей расширились, затем они улыбнулись и тепло поприветствовали нас. Когда мы вошли в студию, то увидели наспех приготовленные декорации.

— Ого, это и есть декорации?

— Потрясающе!

Выглядит малобюджетно...

Я не был уверен, стоит ли называть это декорациями или просто дешевым освещением, пытающимся скрыть недостаток средств.

Я попросил генерального директора дать нам надлежащее продвижение. Выражение моего лица стало кислым. А вот глаза стоявших рядом со мной членов группы блестели, когда они смотрели по сторонам.

Я оглянулся и увидел перед камерой мужчину лет сорока.

— Здравствуйте! Мы — The Dawn.

— О, вы меня напугали.

С первого взгляда я понял, что это за мужчина.

Это был режиссер Чон, о котором упоминала Лим Хёнсу. Похоже, они были очень близки, раз несмотря на разницу в возрасте, имели возможность общаться в непринужденной обстановке.

Режиссер Чон улыбнулся нам.

— У вас, ребята, отличная энергия, вы ведь новички и все такое. Сегодня мы закончим съемки отдельных тизеров* и клипа. Я с нетерпением жду начала работы с вами.

П.п.: Тизер (Teaser) — маленький кусочек клипа, продолжительностью от 30 сек. до 1:30 мин., выпускается до выхода клипа для большей заинтересованности зрителей перед основным релизом.

— Да! Мы тоже с нетерпением ждем работы с вами.

Он показался мне более милым, чем я думал. Я посмотрел в глаза режиссеру Чону. Он улыбнулся и протянул руку.

— Ты ведь Со Хююн, верно? Тот самый, которого Лим Хёнсу ругала до тех пор, пока у нее не пересохло в горле.

Обычно она нас хвалит так, что ли? Я нервничал, но профессиональная улыбка уже была на моем лице. Я взял его за руку и уверенно ответил:

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите.

— Ха-ха-ха, не волнуйся, я не знаю подробностей. Но я слышал, что у тебя очень опытный и смелый дух, в отличие от обычных новичков. Много говорят об утечках и прочем, но ты же знаешь, что все эти споры утихнут, если у тебя все будет хорошо, верно?

Он тонко давил на меня.

Но я беззастенчиво улыбнулся.

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Я буду с нетерпением ждать этого сегодня.

Мне хотелось еще поговорить с режиссером Чоном, но из-за того, что на нас были устремлены любопытные взгляды членов группы, откровенный разговор казался затруднительным.

Я поговорю с ним позже и постараюсь подцепить его на крючок, если он окажется полезным.

— Ребята, поторопитесь! Вам нужно примерить костюмы.

Стилист, работавшая только с актерами из Daepaseong Entertainment, подняла руку и позвала нас. Участники были очень напряжены.

— Ваши костюмы очень непростые, — оповестила нас стилист.

— Нам очень жаль!

— А? За что вы извиняетесь? — спросил один из мемберов.

Актеры не носят такую одежду, поэтому у меня не часто бывает возможность ее надеть. Мне было так весело делать это после долгого времени.

— Спасибо, госпожа.

— Можешь называть меня нуной!

Когда Кан Ичхэ любезно заговорил, стилист с радостью начала общаться с нами. Она умело разделила одежду для каждого участника. В соответствии с планом, предложенным самой молодой сотрудницей группы планирования, концепция была разделена на две части.

Мы с любопытством разглядывали одежду. Она действительно была сложной.

Помучившись некоторое время, мы оделись и встали перед зеркалом. На мне, облаченном в темно-синюю форму, больше похожую на военно-морскую, был ремень, шедший по диагонали от правого плеча к левой стороне талии.

Я просто уставился в зеркало, не зная, было ли с этим костюмом все в порядке.

— Ух ты, Со Хоюн, ты выглядишь потрясающе!

— ...Это нормально? — сомневался я.

— Да ничего страшного! У тебя классная аура, ты как будто родился в этом.

— Спасибо.

— Идеальный прикид, классно выглядишь!

Стилисты и парикмахеры с удовлетворением наблюдали за происходящим. Когда вышли остальные участники, Сон Дживон неожиданно направил на нас камеру, воскликнув:

— Ух ты, Хоюн! Тебе очень идет!

— Что ты снимаешь? — спросил я.

— Менеджер сказал мне снять закулисные кадры.

Я примерно понял идею. Сон Дживон был одет в форму, похожую на мою, но его шляпа была немного другой. Блестящие каштановые волосы, сиявшие под искусственным светом, очень ему шли.

В это же время вышли Ким Сонхён, Чон Даджун и Кан Ичхэ. Они были одеты скорее в военную форму, чем в официальную.

Стилисты поправляли их прически и одежду, пока все трое надевали ботинки и закатывали рукава, и в тоже время болтали:

— Дети в наше время очень высокие.

— Я знаю, правда? Их длинные руки и ноги заставляют меня делать свою работу с удовольствием.

— А... хе-хе... — Чон Даджун застенчиво засмеялся. Кан Ичхэ уже выхватил фотоаппарат у Сон Дживона и забегал вокруг него, как щенок, говоря:

— Скажи «привет» сюда в камеру!

— А персонал тоже может поздороваться? — спросил Чон Даджун.

— Конечно! — Кан Ичхэ был очень дружелюбен.

— Простите. Кан Ичхэ, подойди сюда, — позвал Ким Сонхён.

— Я не хочу!

— Этот ребенок... — Ким Сонхён отругал его, а потом привел его к нам из-за его слишком

непринужденного поведения с персоналом.

Когда мы уже собирались уходить, в тишине съемочной площадки зазвучала песня.

— Ух...

Это была наша песня.

Низкий ритм и гудение, песня, которую мы с трудом перезаписали из-за Лим Хёнсу и которая, по ее словам, могла бы получиться даже лучше, чем трек White Cherry, зазвучала.

Проигрывание песни певцов на съемках клипа было естественным, поэтому сотрудники быстро сосредоточились на своей работе, но ни я, ни другие участники группы не могли пошевелиться.

— ...Это наша песня.

Сон Дживон тихо улыбнулся. Чон Даджун плотно закрыл рот, который еще несколько минут назад непрерывно болтал.

Боже.

Как меня могла снова тронуть песня, которую мы слушали и репетировали бесчисленное количество раз?

Видя милую реакцию участников, стилисты и парикмахеры с улыбкой сказали несколько слов.

— Ребята, у вас действительно отличная песня!

— Она вызывает привыкание. Она будет очень популярна, когда выйдет в свет.

— Спасибо. — Чон Даджун склонил голову, слегка всхлипнув.

Я посмотрел на него и вдруг почувствовал себя озорником. Я надавил на шею Чон Даджуна. Он попятился и зашипел.

— Ах, хён. Что это было?

— Давайте и сегодня сделаем все хорошо.

— Будь сентиментальнее! Не будь неловким перед камерой и обращай со своим взглядом более сентиментально, Дживон.

— Да!

Режиссер Чон оказался строже, чем я думал. Спереди он улыбался, а сзади был похож на тигра. Я слышал от Лим Хёнсу, что обычно он был спокойным человеком. Почему же сейчас он так напряженно работает? Это также заметили и другие участники группы.

— Ух ты, он очень старается.

— Похоже, он также знает все детали.

Надо будет потом угостить Лим Хёнсу дорогим сакэ.

— Впечатляет, какая энергия.

— Действительно...

Сон Дживон выглядел обеспокоенным и, кажется, немного нервничал.

Несмотря на то, что режиссер Чон уже снял кадры с сентиментальным лицом, он продолжал переснимать эту же сцену, как будто Дживон мог сделать это лучше.

— Нет! Я же сказал тебе смотреть дальше! — громко говорил режиссер.

— Ах, да!

Кан Ичхэ с энтузиазмом вел закадровую съемку, запечатлевая все происходящее. Чон Даджун выглядел спокойным, не в силах понять эту трудность для Дживона.

— Хён! Хён, вспомни ту девчонку, за которой ты бегал в школе! Ты же говорил, что плакал тогда!

— Эй, эй! — Лицо Сон Дживона покраснело, и он закричал на Чон Даджуна.

Сотрудники съемочной группы разразились смехом. Однако режиссер Чон оставался серьезным.

— Все в порядке, верно? Давай попробуй еще раз с чувством, что упустил ту цыпочку.

«???»

— Представь себе, как бы выглядел этот птенец, если бы она выросла в курицу.

О чем он говорит?

Это вообще искусство?

Можно ли так говорить? Нет, не нормально.

Я смотрел на это со сложенными руками. Поразительно, но в тот момент, когда в камере зажегся красный свет, смущенный румянец Сон Дживона сменился неподдельным расчувствовавшимся выражением лица.

...Нет, нужно такое лицо? Я в замешательстве почесал подбородок, а режиссер Чон еще больше разволновался и стал требовать еще больше выражений, связанных с цыплятами.

— Вот оно! Вот это лицо! Как звали цыпленка?

— Ц... Цыпленок.

— Хорошо, подумай о Цыпленке! — подбадривал режиссер.

— Цыпленок?..

— Дживон-хён оказался более жестоким, чем я думал, не так ли? — Чон Даджун и Кан Ичхэ переглянулись.

Тупой и еще тупее не могли быть более разными.

— Можешь ли ты вести себя так сентиментально после получения такого указания: «подумай о цыпленке»? — задался вопросом Чон Даджун.

— Не могу, — ответил Кан Ичхэ.

Ким Сонхён молча кивнул в знак согласия.

— Жизнь стажера никогда не проходит впустую.

Кан Ичхэ с профессиональным видом держал камеру, отчаянно сдерживая смех. Надо посмотреть, как это будет потом смонтировано. Сон Дживон выглядел смущенным, но уже не был таким напряженным, как раньше. В прошлый раз он так нервничал в студии звукозаписи.

В чем его проблема?

Я покачал головой, недоумевая. Он и в прошлый раз так нервничал.

— Следующий — Ким Сонхён!

— Да! — уверенно ответил Ким Сонхён и пошел вперед.

Загорелся красный свет. Сев на место, окруженное камерой, он глубоко вздохнул и скомпоновал свое выражение лица.

— Смотри холодно, Сонхён!

По приказу режиссера Чона Сонхён слегка наклонил голову и посмотрел вперед. Как и планировалось, это был подходящий образ для холодного и основательного персонажа.

Но я посмотрел на режиссера Чона, а он слегка надул губы, как будто был недоволен.

Не может быть. Я быстро жестом подозвал Кан Ичхэ. Он кивнул и попросил у сотрудника приготовленный им ранее этюдник. Он быстро набросал что-то и протянул его сотруднику.

— Хён, посмотри на это!

Ким Сонхён испуганно посмотрел на викторину, написанную торопливым почерком Кан Ичхэ.

Ким Сонхён прищурился, и несколько сотрудников последовали его примеру.

— Какое приветствие произносит джентльмен?.. Что? Это что викторина?

Я взял блокнот, перевернул страницу и поднял его над плечом. Кан Ичхэ крикнул:

— Ответ... Син Саимдан*.

П.п.: Ответ строится на игре слов. □□ (джентльмен) + □□ (приветствие) можно также понимать как □□ □□, (звучит □□□□ (Син Саимдан)), как имя известной корейской художницы, поэтессы и мастерицы каллиграфии 16-го века.

Атмосфера на съемочной площадке стала неловкой. Особенно вокруг Ким Сонхёна, разгадывающего викторину, было холодно, как в Арктике.

Разумеется, режиссер Чон был в восторге.

— Син Саимдан! Твое выражение лица сейчас идеально! Именно такой холодный образ мне и нужен!

«...»

— Холодно и презрительно, как будто ты смотришь на своего противника свысока!

Сработало.

Хорошо.

Супер.

Я показал большой палец Кан Ичхэ. Он кивнул и начал готовить второй вопрос.

Несколько сотрудников с уникальными вкусами с интересом наблюдали за происходящим.

— Когда дракон... поднимается в небо... что он говорит?

— Что? Вознесение?

— Ответ на этот вопрос даст Дживон-хён!

Под давлением атмосферы Сон Дживон неохотно взял в руки блокнот. Ким Сонхён выглядел очень расстроенным, но он не мог проигнорировать ответ, и ему ничего не оставалось, как посмотреть в блокнот. Смутившись, Сон Дживон выкрикнул ответ:

— Ответ... я поднимаюсь на дракона*!

П.п.: И снова игра слов. □□□□ означает «подниматься», а □ — «дракон». В кульминации □□□□ является каламбуром, объединяющим эти два слова, создавая фразу, звучащую как «я

поднимаюсь на дракона», которая является одновременно буквальным описанием действия и игрой на слове □ (дракон).

«...»

— Кто-то включил кондиционер? — спросил я Чон Даджуна. Он с сомнением покачал головой. Казалось, что температура упала как минимум на десять градусов.

Сон Дживон искренне смутился, повесив голову. Режиссер Чон, который с удовольствием командовал камерой и снимал без остановки, закончил съемку Ким Сонхёна всего за пять минут.

— Отлично, больше ничего не нужно улучшать.

Режиссер Чон с довольной улыбкой отправил Ким Сонхёна за кадр. По какой-то причине Ким Сонхён выглядел уставшим, когда, спотыкаясь, вышел из-под камеры. Затем он слегка ударил Кан Ичхэ.

— Следующий, Со Хоюн, пожалуйста, проходи!

Наконец-то пришла моя очередь.

Кан Ичхэ подбадривал меня. Я стоял перед ослепительными огнями и отражателями.

Я и не думал, что буду стоять здесь. Я всегда был человеком, стоящим за камерой.

— Со Хоюн, не нервничай. Просто делай то, что делаешь всегда. Будь тонким и немного хитрым.

...Хорошо.

Похоже, режиссер Чон что-то знал об инциденте с Лим Хёнсу.

Я нахмурился, глядя на меняющиеся огни. Я едва заметно нервничал.

— Почему ты нервничаешь? — спросил у меня режиссер.

— Ха-ха... Да, так и есть.

Режиссер Чон криво усмехнулся и хитро посмотрел на меня. Я вспомнил советы Лим Хёнсу и

Чу Усона и попытался неловко улыбнуться.

— Я постараюсь.

Я глубоко вздохнул и медленно открыл глаза, направив взгляд в сторону камеры. Глаза режиссера Чона забегали, словно пытаюсь что-то уловить, но тут же стали серьезными.

— Твой взгляд сейчас идеален... Хорошо.

Режиссер Чон с самого начала подал мне знак о пропуске и снял крупным планом. Я медленно перебирал пальцами и смотрел вперед.

— Еще немного опусти взгляд и постарайся улыбнуться.

К счастью, концепция персонажей этого проекта мне очень подходила. Если бы мне пришлось продолжить концепцию милого и живого ананаса, мне было бы трудно погрузиться в себя и снять хорошо, как сейчас.

— Отлично, вот так... Мне нравится.

Режиссер Чон кивнул. Когда я медленно выходил, глаза членов группы были устремлены на меня.

— Ты хорошо держишься перед камерой, Хоюн. Это стоило ожиданий.

— Спасибо.

— Подойди сюда и посмотри, — позвал меня режиссер Чон.

Когда я подошел к нему и посмотрел на экран, ощущение было немного сюрреалистичным.

Двигаться по экрану в роли Со Хоюна и стоять под голубым светом, нахмурившись, — все это было странно.

Это завораживает.

...Было ощущение, что это не я.

— Ну как? Нравится?

В это же время появилась подсказка.

[Выбор:

Я... ангел?

Мое сердце так быстро бьется.

Я очень красив.]

Черт побери.

Я быстро выбрал.

— Я очень красив.

— Что? Ха-ха-ха!

Это был лучший вариант. По крайней мере, он был самым безопасным. Режиссер Чон разразился хохотом и похлопал меня по спине.

— У тебя есть чувство юмора, Со Хююн.

«...»

Он имел в виду, что я не очень красив?

<http://tl.rulate.ru/book/72625/3396815>